

Михалков Н.

Уважаемая редакция! Я большая поклонница творчества Никиты Михалкова. Внимательно слежу за всем, что делает этот большой художник в кино и на телевидении, всегда смотрю его «Иллюзии»...

МОСКВА.

Я. РАЗУМНАЯ.

Студия «ТРИТЭ», которой руководит Никита Михалков, любезно предоставила редакции стенограмму пресс-конференции. Мы печатаем ее с незначительными сокращениями.

Никита Михалков. Первое, что я хотел бы сказать. Понимаю, что здесь собрались не только мои доброжелатели. Это совершенно естественно. Тем не менее я рассчитываю на людей, верящих в объективность, и надеюсь, что эта объективность будет в какой-то степени донесена до читателей и зрителей.

Прозвучала следующая история. Останкинская телекомпания предложила сделать на паритетных началах с нашей студией «ТРИТЭ» мою авторскую передачу «Перекресток». Авторская передача — это передача, за которую несет ответственность тот, кто ее делает. Я имею в виду идеологическую сторону. Мне было оказано т/о «Экран» всяческое содействие. Я не могу сказать, что передача в процессе ее подготовки была процензурирована и кто-то мной руководил. Нет, нет и нет. Она была серьезным образом отрецензирована и заявлена в эфир. Первоначально она была поставлена в программу на 5-е число. До этого я имел беседу с руководством. Мне было указано на длинноты в очень мягкой форме. Я понял из разговора, что все отдается на откуп тому, кто за эту передачу не очень отвечает. Я сделал в передаче сокращения, которые считал нужными. Сокращения очень незначительные — шла передача 1 ч. 20 м, сейчас идет 1 ч. 18 мин. Был установлен срок передачи — 22 апреля. 21 апреля вечером мне было сообщено, что передача снимается с эфира. Тогда я направил факс председателю Всесоюзной телерадиоэвещательной компании г-ну Яковлеву. Факс такого содержания: «Уважаемый Егор Владимирович! Прошу прощения за то, что отнимаю у Вас время, но убедительно прошил бы письменно ответить мне на мой запрос относительно того, на каком основании и как мотивировано снятие с эфира моей авторской передачи «Перекресток», прорекламированной и стоявшей в программе на 22 апреля с. г. в 21.40. Прислал бы Вас сделать это незамедлительно, дабы я мог скорректировать мои дальнейшие поступки по этому поводу. С уважением и наилучшими пожеланиями — Никита Михалков».

После чего я получаю ответ от Егора Яковлева: «Уважаемый Никита Сергеевич, Вашу передачу не видел, не ставил ее в программу и не снимал. Это дело объединения, с которым Вы работали и у которого, очевидно, есть свои соображения на этот счет. Хотел бы встретиться с Вами и обсудить волнующие Вас вопросы. С наилучшими пожеланиями — Егор Яковлев».

И все-таки передача была снята. Честно говоря, я не предполагал, что на это сегодня можно пойти. Ибо в тот самый день Президент России громко заявил о неукоснительном выполнении понятий свободы слова, мнений и т. д. Поэтому я направил в Останкино телефонограмму с просьбой ответить, почему передача не выходит, и поставил ряд ультимативных требований, в которых я объяснял, что, если не получу вразумительного ответа на свой вопрос, то буду вынужден обратиться к прессе, собрать пресс-конференцию, объявить бойкот «Останкино», обратиться в Фонд защиты гласности, одним из учредителей которого является Егор Яковлев. На другой день я получил письменно объяснение произошедшего: «Уважаемый Никита Сергеевич!

В своем письменном заключении по первому выпуску «Перекрестка» мы, к сожалению, вынуждены повторить только уже известные Вам доводы, которые за последние два дня мы излагали и в нашей личной беседе, и в телефонном разговоре. В передаче присутствует целый ряд очевидных длиннот, повторов, разъяснений уже увиденного. Это очень затягивает эпизоды, делает Ваш текст в целом ряде случаев сбивчивым, многословным и кое-где малопонятным. Мы по-прежнему считаем, что эпизод подготовки к съемке не состоявшейся беседы с Т. Митковой смотрится, как инсценировка. Именно он споспешествовал в значительной степени подтвердить некоторые тезисы «Независимой газеты». Эпизод, содержащий обвинение Г. Бурбулиса в политическом ренегатстве и двукратности, с точки зрения журналистской этики, некорректен. Если вице-премьеры — «тема», то она затронута поверхностно, если это пример к Вашим предыдущим рассуждениям, то

В связи с этим я лично прерываю всяческие отношения с телерадиокомпанией «Останкино» до момента публичного и официального извинения за нанесенный моральный и материальный ущерб нашей творческой группе и восстановления действительно демократических норм во взаимоотношениях художника и руководства телерадиокомпании «Останкино».

«ПЕРЕКРЕСТОК»

Пресс-конференция Никиты Михалкова

Вот и вся история на сегодняшний день.

Что же стоит за чей? И, что самое страшное, — и здесь подставляется Президент. Он подставляется, потому что идея раздать национальные ценности по национальным квартирам, — это идея, которая идет за спиной Президента, и на которую Президент смотрит, как на реальную возможность, так как сам он не занимается культурой, а доверяет тем людям, которые культурой занимаются. Это заставляет академика Лихачева поставить вопрос о смене Родины. Вы знаете, спонсоры и горячие головы многое скажут. Но я не верю, что академик Лихачев может сказать такое, в общем-то подхода к рублежу своей жизни, без клотания в душе. Это не просто слова. Это крик. Это отчаяние! К этому я и хотел привлечь внимание.

В чьих руках находится наша культура, наше будущее? У нас же почти ничего нет. Недра наши истощаются. Природа наша гибнет. У нас осталась только культура, до которой не доходят руки, потому что было, что красть. Сегодня заманулись на святое, на единственное, что может остаться нашим потомкам.

Вот почему я попросил вас собраться. Поверьте, я не защищаю свою передачу. Я никогда не жалел тех работ, которые я сделал. Эта передача — повод. Здесь вновь поставлен Президент. К стати говоря, при всех прочих равных, чем-то из того, что он делает, я уважаю этого мужественного и последовательного человека. Он действительно не может заниматься всем. Но если культурой не будут заниматься настоящие профессионалы, люди, по-настоящему умеющие ценить свое прошлое, это для нас гибель. Вот здесь, где я хотел сказать. Может быть, кто-то хочет что-то добавить? К стати, цензурой много занимался наш известный критик Александр Аркадьевич Шерель.

А. ШЕРЕЛЬ. ...Я очень рад, что эта пресс-конференция проходит. Не потому что сейчас проходит защитительная пресс-конференция в Останкино. Просто я думаю, что эта пресс-конференция станет не единственной. Многие, наверное, знают, что до вчерашнего дня в программе на 3-е число стояла тоже авторская передача — спикетант Евгений Петросов «Дураки мы все». Можно по-разному отнестись к Петросову, и дело ведь не в содержании передачи. Та программа была снята другой редакцией.

И поскольку Никита Сергеевич сейчас зачитывает официальную версию, я бы хотел, чтобы вы как журналистская публика снята та программа. Она была снята за многословие, за повторы, за штампы, а также — за отсутствием этического отношения к правительству. Знаете, когда наступает такое время, — я говорю как специалист в этой сфере — очень трудно правую руку знать, что делает левая, без соответствующей координирующей службы на Лубянской. Такой службы пока нет, но включилась какая-то другая. Что касается причин снятия этой программы и продолжения этического отношения к правительству, погон, то здесь я должен сказать следующее. Мне пришлось входить в группу, извините за это слово, интелли-

гентскую, пытавшихся сохранить здание на улице Арбат, 35 для интеллигенции, а не для администрации и бюрократии. В связи с этим я несколько раз встречался с господином Бурбулисом. Как там написано — «дела тогда ценим, когда они дела».

Н. МИХАЛКОВ. «Слова подсудны тогда, когда они дела...» А. ШЕРЕЛЬ. Да, ну, тогда действительно надо говорить уже в стиле суда. 2 января мы были приняты Госнадом Здуардовичем Бурбулисом в связи с проблемой дома на Арбате, 35. Мы были обласканы. Нас по-

любили шампанским. Выразился облезлованно, что в подвале здания ЦК нет шампанского. Я отвечаю за каждое свое слово. Говорили, здание, конечно, должно принадлежать интеллигенции, а не бюрократии. И что идея бывшего министра Губенко отдавать это здание под Центр творческой интеллигенции — мечтаемая. Когда мы приехали осматривать здание, — то самым удивительным образом все оказалось Марией Мироновой, которая сказала сразу, что это шампанское нам еще выйдет обломом раз в 10 раз. И зашел через несколько часов обнаружил, что у нас отключены все телефоны правительственной связи. Тем не менее удалось прорваться к президенту, и Борис Николаевич в присутствии Ульянова, Табанова, Мидурова и еще трех человек лично подписал Указ о передаче этого здания со всем его имуществом российской интеллигенции. Когда мы вышли из кабинета, докуривая нам сказали: подождите, Б. Н. прислал прямо сейчас отнять вам здание. Правда, Б. Н. прислал, а не вынул. И действительно, принесли подписанный Указ и сказали: ну, идите, а через два часа придет указ, который снимает здание. Мы были счастливы. Мы, понимаем, поверили, что Г. Э. когда он говорил, на встрече с нами, конечно, — запомните, это было романтично и что чувство истинной внутренней свободы свойственно каждому интеллигенту, а именно высшая форма творчества — я цитирую дословно, — мы были счастливы были названы. Мы получили Указ, подписанный Президентом России, только через 20 дней. Мы каждый день интеллигентные лица, начиная с администрации Президента, и кончая его личными секретарями — Сергей Митков, — запомните, в этот день, когда мы увидели указ, пугал Бурбулисом и говорил, что сорвется с Г. Э. нестойкой Б. Нитенев проявил в этом вопросе завидную энергию: звонил и главному редактору «Культуры» и требовал снять из номера список видных деятелей искусства, благодаривших Б. Н. Ельцина и Г. Э. Бурбулиса за предоставление им дома на Арбате. Разумеется, письмо было напечатано. — РД.

Вообще С. Нитенев проявил в этом вопросе завидную энергию: звонил и главному редактору «Культуры» и требовал снять из номера список видных деятелей искусства, благодаривших Б. Н. Ельцина и Г. Э. Бурбулиса за предоставление им дома на Арбате. Разумеется, письмо было напечатано. — РД.

Во всем имеет прямое отношение к передаче. Потому что я убежден, что дело в этом, а не в Питириме. Что касается Питирима, то тут могут быть разные точки зрения. По поводу Бурбулиса Сергей Нитенев позвонил Лужкову и, полагаясь почти на матерный ответ, сказал Б. Нитеневу, что спасибо вице-меру за жесткость, — тем не менее позвонил в министерство и заявил, что Лужков от своего решения отказался, что правительство Москвы дезавуировало свой собственный ответ. Тем временем Г. Э. отдал распоряжение министру культуры Российской Федерации пригласить к снятию этого здания. Ровно через 20 часов это было после того, как Лужков отдал распоряжение принадежить, конечно, творческой интеллигенции. И т. д. и т. д.

Итак, что правительство романтично — это прекрасное. Я убежден в том, что сентиментализм руководителя правительства — это не то, что нужно. Особенно, когда он подтверждается делами. Делами, очевидно, неподсудными. И социальными. Вот почему, с чем мы сталкиваемся, — а прощайте, уже успевающие занять места на Старой площади, на которых сидели Шауров, Туманова и т. д. Значит, этот сюжет в передаче «Человек и закон», я спойно уехал в командировку

использовать в передачах телерадиокомпания «Останкино» какие-либо материалы с моим участием как режиссера, актера, автора и участника телепрограмм.

Открытое письмо руководству Гостелерадиокомпании «Останкино»

ем просвещенной толпы. И последовал строгий окрик — «Не пущай!!!» И самое поразительное, что это происходит почти в тот же день, когда Президент с трибуны съезда на весь мир объявляет о гарантиях свободы слова в нашей стране. Следовательно, напрашивается один из двух выводов: либо нашего Президента специально «подставляют» (а который уже раз), либо о нем не думают вовсе, заслоняясь от него административным эгоизмом. И то, и другое аморально, тем более по отношению к главе страны, избранного народом.

Проанализировав в передаче «Перекресток» мысль о неизменности дьявольских методов обольщения толпы, положенных в основу переворота 1917 года и сохранившихся до наших дней, оказался нестерпимым «демократическим начальником», поменявших эшло коммунизма на «мыло ложно понятной демократии». И они сделали все, чтобы лишить меня возможности общения с широкой артельной аудиторией: это и незаконный показ передачи в неудобное (не для меня) для зрителя время, это и

и попросил режиссера позвонить моей жене, чтобы она смогла записать передачу на кассету, когда меня не будет. Я звонил даже из поездов. Обычно она не любит меня волновать, но тут сказала: передачу два раза снимали из эфира. Когда я пришел, то позвонил одному из своих знакомых, который сказал: ну, это, наверное, на ТВ зал, информационной вышке позвонили. Позвонил режиссер Виталий Вишневецкий и сказал, что его умирающей в этот день, и что это все завязано на комиссиях в Ленинграде, вывоз из страны антиквариата, и сказал: если твой сын покажет эту передачу, он умрет раньше тебя.

Директора комбината я потом в командировку встретил лично. И он сказал, что ему звонили какие-то люди и сказали: у тебя две дочки, а трагедия в Москве еще ходит. А позвонил на ТВ, чтобы этот сюжет сняли, все тот же Нитенев. Два раза позвонил — и сюжет сняли. Но позвонил в последний момент. Позвонил секретарем райкома партии, — это я знаю, потому что я в этом районе живу и работаю, — потом в командировку оказался в Фонде культуры и перебрал бумаги при Лихачеве; потом Лихачев попросил его убраться, потому что Лихачев стал мне очень приятное соседство; потом ему был отдан фонд Рериха, и об этом фонде было несколько раз в газете «Искусство». Но все произошло по-прежнему. Я очень рад, что сейчас министр культуры России стал интеллигентный человек, ректор Литинститута Евгений Юрьевич Захаров. Первое, что он сделал, — создал консультативный совет, и я очень польщен, что приглашен в этот совет. Я буду всячески ему помогать. Но ведь если я правильно понимаю, — Сидоров по рангу подчиняется Нитеневу, ведь Нитенев руководит отделом культуры Советского комитета. Два с половиной года назад я все это проходил. И. Н. Губенко очень приглашал работать в Министерстве культуры, и я поставил ему условие: чтобы из Министерства культуры были выведены те люди, которые 25 лет делали интеллигентную культуру не был И. Н. С этими людьми не справились. Но зато были ребята были сытые. А эти ребята и действуют такими методами...

Никита Михалков

М. Михалков. Я хочу напомнить только одно. Во всех странах цивилизованных подцензурными считаются три вещи: это призыв к свержению существующего строя, насилие и порнография. Притом, я не уверен, что на сегодняшний день кое-что из того, что пропущается по ТВ, нельзя назвать полупорнографией. Свобода и демократия двинулись к нам с этой стороны. Мы думали, что открыли чистый родник свежей воды с Запада, а мы открыли огромный канализационный вентиль и там плаваем во главе с новыми кураторами культуры.

В. Шмаков — человек, которому я очень благодарен за передачу, потому что с его стороны мне была оказана поддержка. По непроверенным данным, он получил выговор. В. Шмаков. Я был одним из тех, кто скрепя сердце принял решение о снятии передачи. И, кстати говоря, один из тех, кто уговаривал Никиту Сергеевича эту передачу 5 апреля не снимать с эфира. Для меня за это не стоит никаких политических соображений — только соображения творческие. Н. С. сказал здесь одну фразу, я ее процитирую, — «вплоть можно много чего сказать». Да, в этой передаче планировался Питирим, и я разделяю — я это подчеркиваю — мысли и чувства, которые владеют Никитой Сергеевичем. Работали мы нормально — душа в душу. Случилось непредвиденное обстоятельство — неудавшаяся встреча с Татьяной Митковой — и передача пошла по другому руслу. Предложения, которые мы делали Никите Сергеевичу, делались в мягкой, товарищеской форме, и нам казалось, что мы нашли точки соприкосновения. Мы просили убрать повторы, длинноты. Мы говорили о том, что есть ряд журналистских законов, которые работают очень своеобразно, если их перенести в нормальный кинематограф — они смотрятся как инсценировка. Нам хотелось улучшить передачу и просто извинить автора от упреков в излишней запыльчатости и в некоторых личных причинах так или иначе отзвучавших своих героях. Исходя из наших товарищеских отношений, в понедельник мы начали нашу беседу так: «Дорогой Никита Сергеевич, похоже, мы приняли решение еще раз перенести передачу». Мы понимали, что не будет полного консенсуса. Мы попросили, чтобы передача была немножко сокращена. Это обычная производственная ситуация. Кто работает в газете, тот знает, что там тоже бывает производственная необходимость.

Теперь о творческом аспекте. Мне очень, чрезвычайно жаль, что так произошло. Я не знаю, как сложатся отношения у Никиты Сергеевича с телекомпанией «Останкино». Я могу утверждать точно, что Егор Яковлев в самом деле не видел передачи и не принимал этого решения. Что касается замечаний, то все они носили сугубо профессиональный характер... Я боюсь, что сузил тему разговора...

А. Панкратов-Черный. Володя, а как ты морально себя чувствовал, подписывая приказ? Ведь когда Кравченко спрашивали — а почему ты транслировал именно эти передачи во время путча, — он так и отвечал Ельцину: производственная необходимость!

Н. Михалков. Я должен защитить Владимира Павловича. И потом, все уже сказано. Стенограмму подготовил Д. САВОСИН.

Народный артист России, кинорежиссер Никита МИХАЛКОВ.

1 мая 1992 г.

Я запрещаю в дальнейшем использовать в передачах телерадиокомпания «Останкино» какие-либо материалы с моим участием как режиссера, актера, автора и участника телепрограмм. В случае нарушения телерадиокомпанией «Останкино» этих требований я буду вынужден отстаивать свои права на интеллектуальную собственность через суд. Я оставляю за собой право распространить мою авторскую программу «Перекресток» как на территории СНГ, так и за ее пределами через альтернативные информационные каналы, где отсутствуют политическая цензура. От себя лично хочу выразить благодарность всем творческим и техническим работникам телерадиокомпания «Останкино», которые принимали участие в создании программы «Перекресток» и остались верны ей, а также всем тем, кто шлет в адрес моей студии телеграммы и письма со словами поддержки и участия. Число их превысило все мои ожидания. Хочу выразить свою глубокую признательность российскому артисту Михаилу Боярскому за то, что он первый, выражая солидарность с моей творческой группой, отказался сотрудничать с телерадиокомпанией «Останкино».

Народный артист России, кинорежиссер Никита МИХАЛКОВ.

1 мая 1992 г.

Я запрещаю в дальнейшем использовать в передачах телерадиокомпания «Останкино» какие-либо материалы с моим участием как режиссера, актера, автора и участника телепрограмм.

В случае нарушения телерадиокомпанией «Останкино» этих требований я буду вынужден отстаивать свои права на интеллектуальную собственность через суд. Я оставляю за собой право распространить мою авторскую программу «Перекресток» как на территории СНГ, так и за ее пределами через альтернативные информационные каналы, где отсутствуют политическая цензура. От себя лично хочу выразить благодарность всем творческим и техническим работникам телерадиокомпания «Останкино», которые принимали участие в создании программы «Перекресток» и остались верны ей, а также всем тем, кто шлет в адрес моей студии телеграммы и письма со словами поддержки и участия. Число их превысило все мои ожидания. Хочу выразить свою глубокую признательность российскому артисту Михаилу Боярскому за то, что он первый, выражая солидарность с моей творческой группой, отказался сотрудничать с телерадиокомпанией «Останкино».

Народный артист России, кинорежиссер Никита МИХАЛКОВ.

1 мая 1992 г.

Я запрещаю в дальнейшем использовать в передачах телерадиокомпания «Останкино» какие-либо материалы с моим участием как режиссера, актера, автора и участника телепрограмм.

В случае нарушения телерадиокомпанией «Останкино» этих требований я буду вынужден отстаивать свои права на интеллектуальную собственность через суд. Я оставляю за собой право распространить мою авторскую программу «Перекресток» как на территории СНГ, так и за ее пределами через альтернативные информационные каналы, где отсутствуют политическая цензура. От себя лично хочу выразить благодарность всем творческим и техническим работникам телерадиокомпания «Останкино», которые принимали участие в создании программы «Перекресток» и остались верны ей, а также всем тем, кто шлет в адрес моей студии телеграммы и письма со словами поддержки и участия. Число их превысило все мои ожидания. Хочу выразить свою глубокую признательность российскому артисту Михаилу Боярскому за то, что он первый, выражая солидарность с моей творческой группой, отказался сотрудничать с телерадиокомпанией «Останкино».

Народный артист России, кинорежиссер Никита МИХАЛКОВ.

1 мая 1992 г.

Я запрещаю в дальнейшем использовать в передачах телерадиокомпания «Останкино» какие-либо материалы с моим участием как режиссера, актера, автора и участника телепрограмм.

В случае нарушения телерадиокомпанией «Останкино» этих требований я буду вынужден отстаивать свои права на интеллектуальную собственность через суд. Я оставляю за собой право распространить мою авторскую программу «Перекресток» как на территории СНГ, так и за ее пределами через альтернативные информационные каналы, где отсутствуют политическая цензура. От себя лично хочу выразить благодарность всем творческим и техническим работникам телерадиокомпания «Останкино», которые принимали участие в создании программы «Перекресток» и остались верны ей, а также всем тем, кто шлет в адрес моей студии телеграммы и письма со словами поддержки и участия. Число их превысило все мои ожидания. Хочу выразить свою глубокую признательность российскому артисту Михаилу Боярскому за то, что он первый, выражая солидарность с моей творческой группой, отказался сотрудничать с телерадиокомпанией «Останкино».

Народный артист России, кинорежиссер Никита МИХАЛКОВ.

1 мая 1992 г.

Я запрещаю в дальнейшем использовать в передачах телерадиокомпания «Останкино» какие-либо материалы с моим участием как режиссера, актера, автора и участника телепрограмм.

Народный артист России, кинорежиссер Никита МИХАЛКОВ.

1 мая 1992 г.

89806